

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С -U-ОСНОВОЙ

Древние индоевропейские прилагательные с -*u*-основой в той или иной мере сохранились в индо-иранском, древнегреческом, германском, литовском, хеттском, кельтском. О наличии этих прилагательных уже в индоевропейском свидетельствуют надежные соответствия типа др.-инд. *gurúh* — др.-греч. βαρύς — гот. *kaurus* 'тяжелый'. В латинском, латышском и славянских языках прилагательные с древней -*u*-основой были утрачены, причем в последнем случае они были устранены путем присоединения к -*u*-основе суффиксального -*k*-. В результате образовалась группа прилагательных типа ст.-слав. ГЛАДЪКЪ, СЛАДЪКЪ (ср. лит. *glodūs* 'гладкий', *saldūs* 'сладкий'¹). А. Лескин полагал, что большинство славянских прилагательных на -*ькь* (а их только в восточнославянских языках насчитывается более четырехсот²) отражает древние -*u*-основы³. Полярно противоположной точки зрения по этому вопросу придерживается С. Б. Бернштейн, который считает, что ни одно прилагательное на -*ькь* не может быть с уверенностью отнесено к -*u*-основам и только 4 из них (*soldькь*, *тъпькь*, *qzькь*, *lbgькь*), „вероятно, содержали в прошлом основу на -*u*“⁴. Автор одного из самых обширных исследований, посвященных анализу праславянских образований с -*u*-основой, — Р. Эккерт — насчитывает 6 прилагательных на -*ькь*, отражающих древнюю -*u*-основу (кроме указанных выше — еще *kratькь* и *дbrзькь*)⁵. Большее количество славянских прилагательных отно-

¹ Об этом вытеснении см., напр.: Troubetzkoy N. Les adjectifs slaves en -*ькь*. — BSL, 1923, t. 24, p. 130; Specht F. Zur Bildung der adjektivischen *u*-Stämme. — KZ, 1938, Bd 65, S. 203—204; Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951, с. 279 и др.

² Arumaa P. Sur l'histoire des adjectifs en -*u* en balto-slave. Slaviska institutet vid Lunds universitet, Årsbok 1948—1949. — Lund, 1951, p. 99 (далее — Арумаа).

³ Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. — Казань, 1915, с. 137.

⁴ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. — М., 1974, с. 252.

⁵ Эккерт Р. Основы на -*u*- в праславянском языке. — Уч. зап. Ин-та славяноведения М., 1963, т. 27, с. 125—126 (далее — Эккерт).

сит к числу *-и*-основных Г. И. Никулин⁶. Однако, во-первых, среди них мы находим только 3 прилагательных на *-ькъ*, добавленных сравнительно со списком Р. Эккерта (*mekьkь*, *težьkь* и *gladьkь*). Во-вторых (и это главное), нередко выводы Г. И. Никулина — явно недостаточно аргументированы⁷.

Серьезные расхождения имеются не только по вопросу о количестве праславянских прилагательных с *-и*-основой, но также и о первоначальном значении суффиксального *-к*⁸, о направлении деривации (*гладити* от *гладькъ* или наоборот?) и по целому ряду других вопросов. Поэтому следует признать, что происхождение славянских прилагательных на *-ькъ* все еще остается неустановленным и данный вопрос нуждается в дальнейшей разработке. Причем важны здесь не общие рассуждения вокруг нескольких „хрестоматийных“ примеров, а широкое привлечение нового материала из диалектов славянских, в первую очередь — восточнославянских языков.

Поскольку из всех индоевропейских языков ближе всего к славянским (по своей структуре и лексическому составу) находятся, как известно, языки балтийские, а в литовском языке имеется большое количество прилагательных на *-ūs*⁹, имеет смысл при поисках следов древних славянских *-и*-основ максимально использовать материал литовского языка и его диалектов. Тем более, что именно наличие литовского соответствия на *-ūs* (типа *saldūs* — *сладькъ*) обычно является наиболее весомым аргументом в пользу реконструкции праславянской *-и*-основы. В одной из своих работ¹⁰ я уже приводил список выборочных русско-литовских соответствий, где литовским прилагательным с *-и*-основой противостояли русские прилагательные типа *сладкий*. Ниже приводится материал, в основе которого лежат, как правило, признанные и в достаточной мере надежные этимологии; лишь в особо оговариваемых

⁶ Нікулін Г. І. Індоевропейські прикметники з основою на *-й-, *-ец-, -оц- у праслов'янській мові. — Слов'янське мовознавство. Київ, 1967, т. 5, с. 56—62.

⁷ Последнее обстоятельство было отмечено в статье: Сигалов П. С. О прилагательных с суффиксом *-к*. — Тр. по русск. и славянск. филологии Тартуск. гос. ун-та. Лингвистическая сер., 1971, вып. 266, т. 17, с. 97.

⁸ См.: Сигалов П. С. Указ. соч., с. 97—101, где рассматриваются точки зрения К. Бругмана, Г. Хирта, А. Мейе, Н. Трубецкого, П. Арумаа и др. по данному вопросу (диминутив, нулевое значение, неясно — какое значение). Ср. также: Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. — Киев, 1970, с. 529, где утверждается, что суффикс *-ьк* указывает „на склонность предмета к тому действию, которое обозначено в производящей основе“.

⁹ Около 1500, см. Арумаа, с. 29.

¹⁰ Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции. — *Baltistica*, 1974, т. 10 (1), с. 15—18.

случаях я предлагаю свое этимологическое истолкование приводимых примеров. В начале списка даны случаи, не нуждающиеся в особых пояснениях¹¹.

Русский язык

1. варкий
2. гладкий
3. гливкой 'сырой, недопеченый (о хлебе)'
4. глудкий 'гладкий'
5. громкий
6. грудкий 'покрытый мерзлыми кочками (о дороге)'
7. грузкий 'веский, увесистый'
8. грязкий 'топкий, болотистый'
9. гудкий 'гулкий'
10. ъдкий
11. ёмкий
12. зудкий
13. крохкий 'хрупкий'
14. крушкий 'хрупкий, ломкий'
15. крупкóй 'хрупкий'
16. лайкий¹⁴
17. липкий

Литовский язык

- varùs* 'варкий',
glodùs 'гладкий',
gleivùs 'липкий, скользкий, сырой',
glaudùs 'гладко прилегающий'¹²,
grumùs 'грохочущий',
graudùs 'твердый, жесткий, ломкий',

gramžùs 'тяжелый',
grimzlùs 'топкий'¹³,
gaudùs 'звучный, звонкий',
edùs 'едкий',
jamùs 'ёмкий',
žaudùs 'раздражительный',
krušùs idem,
kraušùs 'хрупкий',
kraupùs 'грубый, неровный',
lojùs 'mokantis šnekėti, loti',
lipùs 'липкий, клейкий',

¹¹ Для краткости диалектные формы обычно не оговариваются. Примеры, отсутствующие в литературном языке, даются по словарю В. И. Даля (Даль), „Словарю русских народных говоров“ (СРНГ) и Академическому словарю литовского языка (Lietuvių kalbos žodynas — V., 1968 ir t.t.). В других случаях даны особые ссылки.

¹² К. Буга (B ū g a К. Rinkiniai raštai. — V., 1959, t. I. p. 439) и Э. Бернекер (B e r n e k e r E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1908, с. 308) сопоставляли русское слово с лит. *gludùs* = *glaudus*, но в этом случае расходится огласовка корня. Более точное сопоставление дает М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка. М., 1964 и след., т. 1, с. 416; далее — Фасмер).

¹³ Примеры 7 и 8 даны вместе, т.к. они относятся к одному и тому же корню **gremz-/gromz-* (нулевая ступень: **grimz-/*grumz-*), ср. лит. *grimžti* 'погружаться, тонуть', рус. *по-гряз-нуть* и *по-грузить* (в воду). Лит. **grimzùs* восстанавливается из *grimzlùs* по модели: *kiblùs* = *kibùs* 'прилипчивый, цепкий', *našlùs* = *našùs* 'продуктивный', *pavydlùs* = *pavydùs* 'завистливый' и т.д. См.: Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. — V., 1943, p. 165—166 (далее — Скарджюс).

¹⁴ Ройзензон Л. И., Андреева Л. А. Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области. — Вопр. фразеологии. Самарканд, 1972, вып. 6, с. 159.

8. лѣпкій 'липкий, цепкий'	<i>laipùs</i> 'искусно лазающий' ¹⁵ ,
19. ловкий	<i>lavùs</i> 'ловкий',
20. меткий	<i>metùs</i> 'хорошо бросающий',
21. ноский ¹⁶	<i>našùs</i> 'продуктивный',
22. рѣзкий	<i>raižùs</i> 'резкий (голос, свет)',
23. сладкий	<i>saldùs</i> 'сладкий',
24. торопкий	<i>tarpùs</i> 'спорый (о работе) ¹⁷ .

Хорошо известно, что даже в близкородственных языках происходят существенные сдвиги в значении слов (ср., напр., рус. *стая* и болг. *стая* 'комната' или рус. *быстрый* и болг. *бѣстр* 'прозрачный' и т.п.). Кстати, рус. диал. *стая* 'сарай' ближе по значению к болгарскому, нежели к русскому литературному языку. Применительно к образованиям на *-ькъ* можно сослаться хотя бы на два противоположных значения слова *кроткий* в диалектах русского языка: 1) 'спокойный, тихий' и 2) 'горячий, вспыльчивый' (СРНГ, вып. 15, с. 285). Вполне естественно, что в ряде случаев значения генетически родственных литовских прилагательных на *-ùs* и русских на *-ькъ* будут существенно расходиться. Переходим к примерам подобного типа.

25. бойкий	<i>bajùs</i> 'страшный' ¹⁸ ,
26. бродкий 'любящий ходить без дела; бойкий, решительный, смелый'	<i>bradùs</i> 'любящий, не боящийся идти вброд (о животном)',
27. валкий	<i>ap-valùs</i> 'круглый' ¹⁹ ,
28. вѣрткий	<i>virtùs</i> 'валкий, шаткий',
29. вадкий 'соблазнительный, ла-	<i>vadùs</i> 'lengas, vesti',

¹⁵ Об этимологической связи между *lipti* (*lipù*) 'лезть' и *lipti* (*limpù*) 'липнуть' см.: Fraenke E. LEW. — Heidelberg—Göttingen, 1955 etc., S. 376 (далее — Френкель). Известное индоевропейское чередование **ei/*oi/*i* обнаруживается при сопоставлении рус. *липкий* (*ei*), лѣпкій = лит. *laipùs* (*oi*), *lipùs* (*i*). У прилагательных с *-u*-основой огласовка корня нередко варьируется даже в рамках одного языка: лит. *glaudùs* : *gludùs*, *kraušùs* : *krušùs* (и.-е. **ou* : **u*), *laipùs* : *lipùs* (**oi/*i*), *rambùs* : *rumbùs* (**om/*m*), рус. *липкий* : лѣпкій (**ei* : **oi*), *крупкий* : *кроткий* (из **кгъркъ* — Фасмер, s. v., чередование **ou* : **u*). Ср. также рус. *варкий* — лит. *varùs* и рус. *гаркий* = *горкий*, *маркий* = *моркий*.

¹⁶ Ср. рус. диал. *ноская курица*.

¹⁷ Новые этимологические сопоставления даны для *гливкой* и *меткий*. Большинство остальных сопоставлений являются новыми в словообразовательно-этимологическом отношении.

¹⁸ Об этимологической связи см.: Zubatý J. Studie a články. — Praha, 1945—1954, t. 1, p. 79 и след.

¹⁹ Об этимологической связи см. словари М. Фасмера и Э. Френкеля.

- комый' (и водкий 'хорошо идущий в упряжке')
30. видкий 'ясно видный, имеющий хорошее зрение'
31. гадкий
32. гаркий и горкий 'хорошо, ясно горящий'
33. гидкий 'гадкий, скверный'
34. гонкий 'быстрый, неумолимо гонящий'
35. гуский (< *густъкий, ср. болг. гъстък 'густой')
36. дерзкий
37. жалкий
38. жоркий 'прожорливый'
39. колкий
40. коский 'легко срезаемый косой'
41. краткий, короткий
42. ломкий
43. рубкий
- pa-vadùs* 'kuris duodasi vedamas (arklys)',
pa-vudùs 'завистливый',
godùs 'жадный'²⁰,
gorùs 'горький'²¹,
gūdùs 'страшный, жуткий',
ganùs 'который хорошо откармливается'²²,
gánstus 'богатый' (сопоставление см. у Фасмера и Френкеля),
diržùs 'крепкий, твердый'²³,
gèlùs 'болезненный',
gèrùs 'geras gerti',
kalùs 'ковкий'²⁴ и (с *s-mobile*)
skalùs 'колкий',
kasùs 'копкий',²⁵
kartùs 'горький'²⁶,
ap-lamùs 'поверхностный, общий'²⁷,
rambùs 'тупой, неповоротливый'²⁸,

²⁰ Лит. *godùs* Френкель (с. 150) сопоставляет с *жад-ный*, а Фасмер (т. 2, с. 381) *гад* сопоставляет с польск. *žadny* 'гадкий'. Следовательно, корень **gēd-/*gōd-* (чередование *ē/ō*) дает лит. *gēda* 'стыд, позор', рус. *жад-* / лит. *godùs*, рус. *гад-*. Расхождение значений здесь аналогично лит. *kàlti* 'ковать' : *kàuti* 'рубить' = рус. *колоть* 'рубить': *ковать* '*kalti*'. Ср. также лит. *karóti* не 'копать', а 'рубить, резать' и лит. *kàsti* не 'косить (резать)', а 'копать'. Подробнее об этой особенности см.: Откупщиков Ю. В. Из истории балто-славянских лексических отношений. — *Baltistica*, 1971, т. 7(2), р. 120.

²¹ Ср. по значению рус. *горький* — с тем же корнем и суффиксом, но с *-i-*основой.

²² Ср. рус. *вы-гон* 'пастбище' и лит. *ganýti* 'пасти' и *ganýtis* 'есть, кормиться'.

²³ Сопоставление П. Арумаа (с. 40). Остальные сопоставления (напр., с др.-греч. θρασύς) фонетически не столь безупречны, как ст.-слав. ДРЪЗЪ = лит. *diržùs*.

²⁴ См. примеч. 20.

²⁵ Этимологическое сопоставление корней допускает Фасмер (т. 2, с. 345). См. также примеч. 20.

²⁶ Оба слова — к глагольному корню **ker-* 'резать'. Ср. также др.-инд. *katùh* (< **kṛtùh*) и *kátukah* (= ст.-слав. КРАТЬКЪ) 'острый (о вкусе)'.

²⁷ Об этимологической связи см. Френкель, с. 13. Ср. также лит. *lamùšyti*, *lamùtinti* 'ломать' и др., косвенно отражающие бесприставочное **lamùs* 'ломкий'.

²⁸ О сложной этимологической связи см. Френкель (s.v. *rambùs*). Ср. также лит. *iž-ruiñ-byti* 'вырубить' и *rumbùs* = *rambùs*.

44. *споркий (-ой)* 'выгодный, успешный; проворный, способный'²⁹ *sparùs* 'быстрый, живой, легко выполнимый',
 45. *терпкий* *tirpùs* 'растворимый, плавкий'³⁰,
 46. *тяжкий* *tingùs* 'ленивый'³¹.

Разумеется, как и при любом сравнительно-историческом исследовании, мы не можем ограничиться только теми формами, которые находятся „на поверхности“. Учитывая глубинную словообразовательную структуру балтийских и славянских языков, опираясь на надежно засвидетельствованные словообразовательные модели, мы можем реконструировать утраченные формы и с их помощью установить генетическое родство славянских прилагательных на *-экъ* с литовскими прилагательными на *-ùs*. Напр., хорошо известна тесная словообразовательная связь между глаголами на *-ити*, *-ѣти* и прилагательными на *-экъ* (resp. лит. *-yti*, *-ėti* и *-ùs*)³². Однако при обилии указанных глаголов как в славянских языках, так и в литовском, наличие одного из них еще не может служить достаточным основанием для реконструкции прилагательного с *-и*-основой. Гораздо важнее несомненные словообразовательные связи между основами на *-и*- и суффиксальными *-r*³³, *-men*³⁴, между образованиями на *-экъ* и *-v*- (*рез-к-ий* — *рез-в-ый*)³⁵, *-йн(і)*³⁶ и др. (примеры см. ниже — при рассмотрении материала). Сравнительно редкая встречаемость славянских образований, напр., на *-мень*, *-мя*, *-ыни* делает реконструкции, подкрепляемые ссылками на эти редкие формы, более надежными.

47. *будкий* 'легко просыпающийся, чуткий' *budrùs* idem,³⁷

²⁹ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. — СПб, 1885, s.v.

³⁰ См. Френкель, с. 1101.

³¹ См.: Troubetzkoy N. Op. cit., p. 136, а также словари Фасмера и Френкеля.

³² См., напр.: Vaillant A. Les adjectifs slaves en *-ykъ*. — BSL, 1931, t. 31, p. 43 и Скарджюс, с. 55—56.

³³ Bloomfield M. On a Case of Suppletive Indo-European Suffixes. — Language, 1925, vol. 1; статья специально посвящена данному вопросу. См. также: Specht F. Op. cit., p. 193.

³⁴ Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. — Göttingen, 1944 (1947), S. 137, 179—183 etc.

³⁵ См. Арумаа, с. 75.

³⁶ Zubatý J. Zu den Femininbildungen auf *-yñi*. — Arch. f. sl. Ph., 1903, Bd 25, S. 360; idem. Studie..., Bd 2, S. 340; Meid W. Zur Dehnung praesuffixaler Vokale in secundären Nominalbildungen. — IF, 1956, Bd 62, S. 273 (см. также с. 269—270 с интересным литовским материалом); Эккерт, с. 96 и др.

³⁷ *Budrùs* : **budùs* = *skubrùs* : *skubùs* 'быстрый' = *kantrùs* : *kantùs* 'терпеливый' и т. д. См. также: Скарджюс, с. 300.

48. *жидкий* *giedrùs* ‘светлый, прозрачный’³⁸,
 49. *мелкий*, др.-рус. *мѣлкъ*
mailiùs ‘мальки, малыши (дети)’³⁹,
 50. *мягкий* (< **menkьkь*, ср. ст.-
 -слав. МАКЪКЪ)
menkùs ‘плохой, слабый’,⁴⁰
 51. *садкий* ‘который легко са-
 дится (напр., сукно)’
sodrùs ‘обильный’,⁴¹
 52. *слабкий*
sodžiùs ‘село’⁴²,
slobnùs ‘слабый’⁴³,
 53. *стойкий*
 **stajùs* (реконструируется из
stajūnas ‘стояк для детей’),⁴⁴
 54. *тонкий*
tévas и (диал.) *tévas* ‘тонкий’⁴⁵.

Следующие далее примеры также требуют семантических или словообразовательных реконструкций, а подчас — комментария в связи с фонетическими особенностями сопоставляемых слов.

55. *броский* *brukùs* ‘легко бросаемый’,⁴⁶
 56. *волгкий* *vilgšnùs* ‘влажный’,⁴⁷

³⁸ См. пред. примеч.

³⁹ Модель: *mailiùs*: **mailiùs* ‘мелкий’ = *derliùs* ‘урожай’: *derliùs* ‘урожайный’ = *gỹriùs* ‘похвальба’: *gyrùs* ‘хвостун’ и т.д.

⁴⁰ Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. — V., 1966, p. 274. То обстоятельство, что форма *menkùs* приведена З. Зинкявичюсом среди диалектных отклонений от нормы (нередко — в речи молодежи), не исключает принадлежности некоторых из этих форм к архаизмам. В конкретном случае с *menkùs* (при обычном *meñkas*) против предположения о новообразовании наших дней свидетельствует лит. *menku ko* ‘мало ли что’ в словаре Нессельмана (Nesemann G. H. F. Wörterbuch der Littauischen Sprache. — Königsberg, 1851, s. v.), а также (с древней -и-основой!) др.-инд. *mankùh* ‘слабый’ = лит. *menkùs*. Если ‘юс малый’ в ст.-слав. МАКЪКЪ отражает огласовку **in*, а не **en*, тогда славянские слова следует сопоставить с лит. *minklùs* ‘хорошо мнущийся’ (о модели *minklùs* = **minkùs* см. примеч. 13).

⁴¹ См. примеч. 37.

⁴² См. примеч. 39. О форме с -ùs см.: Вўга К. Op. cit., t. 3, p. 35. Существительное *садъ* — также, видимо, древняя -и-основа (Фасмер, т. 3, с. 544; Френкель, с. 855; Эккерт, с. 85 и др.).

⁴³ *Slobnùs*: **slobùs* = *glodnùs*: *glodùs* = *lipnùs*: *lipùs* и т. д.

⁴⁴ Скарджюс, с. 280. Модель *stajūnas*: **stajùs* = *gyrūnas*: *gyrùs* ‘хвостун’ = *drasūnas*: *drasùs* (= др.-греч. θρασύς ‘смелый’) и т.д. Ср.: Meid W. Op. cit., p. 269.

⁴⁵ О соотношении суффиксального -v- и -и-основы см. примеч. 53.

⁴⁶ Этимологическая связь: Фасмер, т. 1, с. 216—217. Сложность заключается в непоследовательной сатемности; ср. рус. диал. *брокать* = *бросать*, лит. *brùknēs* и *брусника*.

⁴⁷ Модель: *vilgšnùs*: **vilgùs* = *kibšnùs* = *kibùs* ‘прилипчивый, цепкий’ = *dabšnùs*: *dabùs* ‘нарядный’ и др. Ср. Скарджюс, с. 225. О древней -и-основе говорит также др.-англ. *wlacu* ‘тепловатый’ и модель: ст.-слав. ВЛЪГЫНИ ‘влажность’: *волгкий* = ЛЪГЫНИ ‘облегчение’: *легкий* = рус. диал. *жарынь*: *жаркий*, СПОРЫНИ ‘множество’: *споркий*, ГРЪДЫНИ ‘гордость’: *гордый* и др. Первые два примера — у Зубатого, Майда и других исследователей (см. примеч. 36).

57. *гибкий*
58. *глумкóй* 'глуповатый, придурковатый'
59. *гордкий* 'высокий, громкий (о голосе)'
60. *держкий*⁵¹
61. *дёркий* 'хорошо сдирающийся' и 'сильно действующий (табак, квас)'
62. *дробкий* 'непрочный'
- gubùs* 'способный, проворный'⁴⁸,
glumùs 'запутанный, ошибочный'⁴⁹,
- garsùs* (< **gardsùs*) 'звучный, громкий' и 'известный, знаменитый'⁵⁰,
diržùs 'крепкий, прочный',⁵²
dirvà 'пашня',⁵³
- trapùs* 'хрупкий, ломкий',⁵⁴

⁴⁸ Ср. лит. *gùbti* 'гнутья, изгибаться' и рус. *гнутья* < **gub-n-*. Следует отметить разное количество гласного у лит. *gub-* и рус. **gūb-*.

⁴⁹ В диалектах русского, белорусского и литовского языков — очень сложная словообразовательная система соответствий, видимо, не исключая в отдельных случаях заимствований (ср. рус. *глум* — лит. *glùmas* 'дурь, глупость', *глумный* — *gluĩtnas* 'глупый', *глумить* — *glùmyti* 'дурачить, сбивать с толку' и др. Огласовка корня: *ou|u*).

⁵⁰ О древней *-u*-основе косвенно свидетельствует ст.-слав. ГРЪДЫНИ. Сопоставление позволяет предложить новую этимологию слова *гордый*. Традиционное сопоставление с лат. *gurdis* 'глупый, тупой' (Фасмер, т. 1, с. 440) мало что проясняет, ибо латинское слово изолировано в этимологическом отношении. Связь с лит. *girdėti* 'слышать' объясняет два значения рус. *гордый* и *гордый*, как и два значения лит. *garsùs*, — аналогично лит. *gařsas* 'звук' и 'слава' или (типологически) рус. *слыть* → *слава*. Отрицательные значения в ряде славянских языков — вторичны. Ср. **gurd-* → серб.-хорв. *grđimti* 'ругать, бранить' и рус. *честь* → *честить* 'ругать, бранить'. Относительно *-s-* реконструкции **gardsùs* (Френкель) см. примеч. 63.

⁵¹ Даль, т. 1, с. 431: *держкое соленье* 'прочное, которое долго не портится'.

⁵² На месте лит. *ž* следовало ожидать *z* (см. *держкий*). Впрочем, этимологические словари сопоставляют лит. *diržti* и рус. *держать*.

⁵³ Форма **dirùs* реконструируется из **diru-a* > *dirvà*. Ср. др.-инд. *tanúh* 'тонкий' → **tanu-ī* > *tanvī* 'тонкая', др.-инд. *svādúh* 'сладкий' — лат. **svādu-i(s)* > **svādvīs* > *svāvis* 'сладкий', др.-инд. *tanúh* — лит. **tenu-as* > *tėnvas* и *tėvas* 'тонкий'. О том, что модель с суффиксальным *-v-* часто является производной от древних *-u*-основ, см., напр.: Brugmann K. und Delbrück B. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. — Straßburg, 1897, Bd II², I, S. 199 etc.; Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. — Paris, 1902—1905, t. 1, p. 365; Скарджюс, с. 377 и др.

⁵⁴ Machek V. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, p. 33 etc. В балто-славянском ареале особенно широко представлена мена *звонкий* ~ *глухой* типа лит. *guĩbis* — в.-луж. *kolp* 'лебедь', рус. *грудь* — лит. *krūtĩnė* 'грудь' и т.д. Подробнее об этом см.: Откупщиков Ю. В. К этимологии лит. *guĩbas*. — Baltistica, 1976, t. 12(1), p. 65—66 (соответствующая литература указана в примеч. 2).

63. жаркий	<i>gorùs</i> 'горький', ⁵⁵
64. жуткий (<*жудьк-, ср. жуда)	<i>žiaudùs</i> 'суровый, резкий' ⁵⁶ ,
65. зоркий (в диал.) 'прозрачный, светлый, чистый'	<i>žiūrùs</i> 'ясный, хорошо просматривающийся', ⁵⁷
66. ковкий	* <i>kovùs</i> (из <i>kovūnas</i> 'боец, борец') ⁵⁸ ,
67. кропкий 'хрупкий, ломкий'	<i>krapùs</i> 'неровный (напр., о замерзшей дороге)',
68. кропкий 'кропотливый'	<i>krapštùs</i> idem, ⁵⁹
69. куский 'больно кусающий (о мухах, комарах)'	<i>kandùs</i> idem, ⁶⁰
70. легкий	<i>leñgvas</i> idem, ⁶¹
71. леткий 'легколетный'	<i>lakùs, lèkùs</i> 'летучий', ⁶²
72. любкий 'склонный к любви'	<i>liaupsùs</i> 'славный', ⁶³
73. прыткий	<i>sprudùs</i> 'легко ускользающий', ⁶⁴

⁵⁵ И.-е. корень **ghēr-/ghōr-* 'гореть'. Семантически ср. рус. диал. *горкий* 'хорошо горящий' и *горький*, лит. *aitrùs* 'пылкий' и 'прогорклый' и т.д. Лит. *gorùs* 'горький' этимологически связано с *goriùoti* 'раскраснеться от жара'. Рус. диал. *гаркий, горкий* 'хорошо горящий' и *жаркий* отражают разные ступени огласовки корня. Косвенно наличие *-и*-основы у прилагательного *жаркий* подтверждают формы *жаровый, жаровня* и *жарынь*.

⁵⁶ М. Фасмер (т. 2, с. 63), сопоставляя русские слова с лит. *žudyti* 'убивать, губить', исключает возможность заимствования, ссылаясь на различие значений. Однако сам он никак не объясняет отношения рус. *ж* и лит. *ž*. Поэтому возможность заимствования из литовского (Е. Ф. Карский, Ю. Лаучюте, И. Г. Добродомов) следует считать весьма вероятной.

⁵⁷ С разными степенями огласовки корня (впрочем, как и соответствующие глаголы: ст.-слав. ЗЪРЪТИ — лит. *žiūrėti*).

⁵⁸ О словообразовательной модели см. примеч. 44, о семантическом расхождении — примеч. 20.

⁵⁹ Модель: *krapštùs* : **krapùs* 'кропотливый' = *baigštùs* : *baigùs* 'пугливый' = *gobštùs* *gobùs* 'жадный' = *darbštùs* : *darbùs* 'работающий' и т.д. См. Скарджюс, с. 333.

⁶⁰ Рус. *кус-* < **konds-*. *Куский* и *kandùs* сопоставимы генетически, семантически, по общей словообразовательной модели, но не фонетически.

⁶¹ См. примеч. 53. О древней *-и*-основе свидетельствуют также др.-инд. *laghūh* 'легкий', др.-греч. (ἐ)λαχύς 'маленький' и (косвенно) ст.-слав. ЛЬГЫНИ 'облегчение'.

⁶² О родстве *лететь* и *lèkti* см. Фасмер, т. 2, с. 488, о сложности сопоставления — Френкель, с. 353.

⁶³ Обычное этимологическое сопоставление корней (Фасмер, Френкель). Форма **liaupsùs* (или **liaubùs*) восстанавливается на основе образований типа *balsùs, garsùs, tamsùs* — с *-s-*, присоединяемым к *-и*-основе (см.: Скарджюс, с. 311). Лит. *p* (а не *b*) — или результат оглушения перед *s*, или явление, рассмотренное в примеч. 54.

⁶⁴ Обычно дается этимологическое сопоставление только с лит. *sprūsti* 'выскользнуть' (с *s-mobile*), гот. *sprautō* 'быстрый' (Фасмер, т. 3, с. 392). Огласовка корня в приведенном сопоставлении чередуется (*ū* : *u*). Таким образом, *прыткий* < **прыдьк-* < *(*s*)*prūdū(k)-*.

74. <i>рѣдкій</i>	<i>raidùs</i> 'ясный, не спутанный, ровно стоящий (лен, рожь)' ⁶⁵ ,
75. <i>серехкий</i> 'шероховатый, неровный'	<i>šjurkštùs idem</i> , ⁶⁶
76. <i>сѣвкой</i> 'всхожий, годный для посева'	<i>sajùs</i> 'kurio galima daug užsėti', ⁶⁷
77. <i>сторожский</i> 'хорошо стерегущий, чуткий'	<i>sargùs idem</i> , ⁶⁸
78. <i>сушкий</i>	* <i>sausùs</i> (при обычном <i>saũsas</i>), ⁶⁹
79. <i>узкий</i>	<i>ankštùs idem</i> , ⁷⁰
80. <i>хлесткий</i>	<i>klestùs</i> 'плотный, густой', ⁷¹
81. <i>хлипкий</i>	<i>klibùs</i> 'шаткий, расшатанный' ⁷² ,
82. <i>хрупкий</i>	<i>kraupùs</i> 'грубый, неровный',
83. <i>хрусткий</i>	* <i>skraustùs</i> 'хрустящий, ломкий', ⁷³

⁶⁵ Если принять старое — весьма распространенное — этимологическое сопоставление с лит. *eĩdvas* 'просторный' (см., в частности, из сравнительно новых работ: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. — Paris, 1950, т. 1, р. 161), то о соотношении лит. -v- и древней -и-основы см. примеч. 53.

⁶⁶ Сопоставление дано у Фасмера (т. 3, с. 608).

⁶⁷ Сопоставление генетическое и типологическое.

⁶⁸ Рус. *ж* вместо *г* — по аналогии со *сторож*, *сторожить* и т.д., рус. *т* в корне — вторично, ср. лит. *sraujà* = рус. *струя* и др.

⁶⁹ Реконструкция формы **sausùs* из *sausùmas* не может считаться надежной, хотя образования на *-ùmas* первоначально представляли собой результат присоединения суффикса *-m-* к прилагательным с *-и-*основой (Schmidt J. Über das litauische Nominalsuffix *-i-*. — Beiträge zur vergl. Sprachf. hg. v. A. Kuhn und A. Schleicher, 1865, Bd 4, S. 267). В пользу реконструкции *-и-*основы у русского слова косвенно говорит модель: *сушкий* — *сушмень*, *узкий* — *узмень*, *вязкий* — *Вязмень*, болг. *тихъкь* — *Тихмень*, *куский* — *кусмень*, *низкий* — *низмен(ный)* и др.

⁷⁰ Лит. *ankštùs*, согласно Френкелю (см. с. 11), из **anž-stùs*, которое относится к **anžùs* так же, как *lakstùs* — к *lakùs* 'быстрый' = *laipstùs* : *laipùs* и т.д. О древней *-и-*основе говорит также др.-инд. *amhùh* 'узкий' и *узмень* (см. пред. примеч.).

⁷¹ Сложность этого и следующих примеров — в неполной ясности происхождения славянского начального *х-*. У литовской основы *klest-* 'бить кнутом, розгой', очень сложная сумма значений. Френкель разграничивает две основы *klest-*. Однако некоторые исследователи этимологически объединяют их (см. Фасмер, т. 4, с. 244).

⁷² *Хлипкий* < **хлибъкь*, ср. *хлибый* 'хилый, слабый' (Фасмер, т. 4, с. 244). Об этимологии слова Фасмер пишет лаконично: „неясно“. Ср. рус. *хлибать* 'хворать, шататься от слабости' и лит. *klibti*, *klibėti* 'шататься' (корень **klei*/**kli-*).

⁷³ Обычно рус. *хруст(еть)* сопоставляется с лтш. *skràustēt* 'хрустеть' и лит. *skriaudùs* 'шероховатый, ломкий'. Эти слова, а также лтш. *skrausts* 'хрустящий' позволяют реконструировать приведенную литовскую форму.

84. четкий

*skaitùs,⁷⁴

85. цепкий

kibùs 'прилипчивый, цепкий'⁷⁵.

Соотношение между литовскими образованиями с *-и*-основой и русскими прилагательными на *-ькь* четко прослеживается также и в заимствованной лексике. Это относится и к возможным заимствованиям из балтийского (см. выше: *глумкóй*, *жуткий*), и к заимствованиям из славянского.

86. глейкий 'вязкий как глина'

glėjus 'липкая земля, грязь',

87. клейкий

klėjus 'клей',

88. мылкий

milus 'мылкий',

89. стромкий 'высокий, крутой'

straimus 'крутой, обрывистый',

90. шпаркий 'быстрый, проворный'

*šparkùs (из наречия *šparkiai* 'быстро')⁷⁶.

Приведенный список соответствий не является исчерпывающим. В нем, помимо словаря Даля, использован материал только 16-ти первых выпусков „Словаря русских народных говоров“ (до буквы Л) и 11-ти первых томов Академического словаря литовского языка (до буквы R). Между тем, многие из приведенных выше диалектных слов впервые введены в научный обиход именно этими словарями. Кроме того, высокая продуктивность прилагательных на *-ùs* в литовском языке (см.: Скарджюс, с. 55—58) и широко представленные формы на *-ькь* в славянских языках позволяют не только реконструировать по рассмотренной выше модели незасвидетельствованные прилагательные, понятные, однако, носителям языка, но и считать теоретически воз-

⁷⁴ Четкий, *чту* обычно сопоставляются с лит. *skaityti* 'читать' (с *s*-mobile). Модель: *skaičius* 'число': *skaitùs = *deñlius*: *derlùs* и т.д. См. примеч. 39. В пользу древней *-и*-основы свидетельствует также (косвенно) наличие производных с суффиксом **-men-* как в балтийском, так и в славянском (лит. *skaitmeñs* — др.-рус. *чисмене* 'числа' — G. S.).

⁷⁵ Чередование *ei/i* (см. примеч. 15). О соотношении *p/b* типа **kьlpь* | *gulbè* 'лебедь' см. примеч. 54.

⁷⁶ Важно отметить, что заимствованная лексика даже в сравнительно позднюю эпоху сохраняет древние словообразовательные отношения, характерные для лексики исконной (*milus*: *мылкий* = *saldus*: *сладкий*). Здесь можно провести определенную параллель с областью фонетики. Сравнительно поздние заимствования сохраняют фонетические отношения, типичные для исконно родственных слов. Ср. *батогь* → *botāgas* с передачей слав. *a* посредством *o* и наоборот — что полностью совпадает с литовско-славянскими фонетическими соответствиями в исконно родственных словах.

В качестве новых среди примеров 47—90 можно рассматривать этимологические истолкования слов *гибкий*, *гордый* (и *гордый*), *редкий*, *хлипкий*, *хрупкий* и *цепкий*. Остальные сопоставления базируются на традиционных этимологиях, авторы которых, однако, очень часто не принимают во внимание образований с *-и*-основами.

можным их наличие в диалектах. Напр, лит. *málti* ‘молоть’ — *malùs* ‘который хорошо мелется’ можно сопоставить с рус. *молоть* — **молкий* (как *колоть* — *колкий*). И хотя слово **молкий* мне не удалось найти в диалектных словарях, не исключена возможность, что в данном случае перед нами — лишь случайное отсутствие фиксации функционирующего в диалектах слова. И обратный случай: рус. *кладу* — *кладкий* предполагает лит. *klõdau* ‘укладываю’ — **klodùs* ‘кладкий’ (слово, понятное носителям языка или диалекта, но также отсутствующее в словарях). За счет подобных примеров можно было бы увеличить приведенный выше список, но тогда в него попали бы слова, реально отсутствующие в языке, или, во всяком случае, хотя и возможные, но не засвидетельствованные.

Славянская лексика (особенно — диалектная) за пределами русского языка мною специально не обследовалась. Однако в целом ряде случаев рассмотренные русские прилагательные имеют соответствия также и в других славянских языках. Ниже приведены выборочные славянские примеры, кажется, отсутствующие в русском языке и его диалектах.

91. укр. <i>беркий</i> ‘липкий, цепкий’
и ‘рьяный в работе’	<i>birùs</i> ‘зрелый, осыпающийся’, ⁷⁷
92. серб.-хорв. <i>бõдак</i> ‘колочий’	<i>badùs idem,</i>
93. болг. <i>бръзък</i> ‘быстрый’ ⁷⁸	<i>bruzdùs</i> и <i>burzdùs idem,</i> ⁷⁹
94. серб.-хорв. <i>вйтак</i> ‘гибкий’	* <i>vytùs</i> ‘вьющийся’, ⁸⁰
95. серб.-хорв. <i>вõзак</i> ‘bene vehens’	<i>važùs idem,</i>
96. болг. <i>жéжък</i> ‘горючий’	<i>degùs idem,</i> ⁸¹
97. чеш. <i>лупкú</i> ‘легко сдираемый’	<i>lupùs idem,</i>
98. болг. <i>тихък</i> ‘тихий’	<i>teisùs</i> ‘справедливый’ ⁸² .

В ряде случаев принадлежность прилагательных на *-ъкъ* к древней *-и*-основе определяется путем сопоставления с материалом не литовского, а других индоевропейских языков.

⁷⁷ Об этимологической связи соответствующих корней см. Френкель, с. 40.

⁷⁸ Прилагательные, засвидетельствованные в нескольких славянских языках, для краткости иллюстрируются одним примером.

⁷⁹ В связи с вариантами *z/zd* ср., напр., серб.-хорв. *брзýца* и *брздýца* ‘быстрый поток’. Метатезные варианты литовского прилагательного также сопоставимы с болг. *бръз*- и *бърз*-.

⁸⁰ Реконструируется из гидронимов *Vučius* и *Vytvyté* (Bũga К. Op. cit., т. 1, р. 240) — по моделям, рассмотренным в примеч. 39 и 53.

⁸¹ В славянских языках первый согласный корня подвергся ассимиляции: **deg-* > **geg-* (> *жег-*).

⁸² Этимология принята Френкелем и Фасмером. О древней *-и*-основе косвенно свидетельствует также лит. славизм *tykùs* ‘тихий’ и рус. топоним *Тихмень*.

99. *вязкий*⁸³ др.-греч. ἐγγύς ‘близко’,
 100. *илкий* др.-греч. εἰλύ ‘темный’⁸⁴,
 101. *маркий* и *моркий* др.-греч. μору-σσω ‘делаю черным,
 покрываю сажей, копотью’⁸⁵,
 102. *солкий* др.-греч. ἄλυχός ‘соленый’⁸⁶
 103. *топкий* ‘хорошо греющий
 (дрова, печь)’ др.-инд. *tapíh* ‘горячий’.

Вероятно, сюда же можно отнести *худкий* — др.-инд. *kśodhuka-* ‘голодный’⁸⁷.

В ряде случаев прилагательные на *-ькъ* позволяют гипотетически реконструировать древнюю *-и*-основу без привлечения материала родственных языков — с опорой лишь на внутреннюю реконструкцию. Однако „внутренние“ аргументы, как правило, менее убедительны, ибо они доказывают лишь возможность наличия того или иного прилагательного с *-и*-основой, а не опираются на реально засвидетельствованные родственные образования этого типа, совпадающие в генетическом, фонетическом, словообразовательном и семантическом плане с производящей основой славянских прилагательных на *-ькъ*. Ниже приведены некоторые выборочные примеры.

Рус. диал. *житкий* ‘резвый, прыткий’ и чеш. *žitký* ‘живой’ дают возможность реконструировать праформу **žīty-kŷ* на основании таких образований, как *жит-в-о* ‘жизнь, житье’ и *жит-мень* ‘ячмень’. О связи образований на *-и*-, *-v*- и *-теп-* уже говорилось выше. Древность соответствующей словообразовательной модели подтверждается примерами типа др.-инд. *svādúh* ‘сладкий’, *svādvī* ‘сладкая’, *svādman* ‘сладость’ и десятками литовских чередований типа *augmiõ* ‘растение’ — *augùs* ‘рослый, пышный’ или *pietmiõ* ‘пастух’ — *pieva* ‘пастбище, луг’. Славянские примеры приведены в примеч. 69.

Рус. *крепкий* — ст.-слав. КРЪПЪ (без суффиксального *-к-*). О принадлежности к *-и*- основам писал А. Мейе⁸⁸.

⁸³ Перегласовка к *узкий*: **(u)enz-/*onz-*, ср. *вязать* / *узы*. В обоих случаях *-и*-основа косвенно подтверждается также наличием топонимов с редким в славянских языках суффиксом **-теп-*: *вязкий* — *Вязмень*, *узкий* — *Узмень*.

⁸⁴ Ср. *илкий* — др.-рус. *Илмень* (Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 252 и след.).

⁸⁵ См.: Фасмер, т. 2, с. 572, 655.

⁸⁶ О принадлежности древнегреческого слова к *-и*-основе см.: S p e c h t F. Zur Bildung..., S. 200. Простая *-и*-основа, не осложненная суффиксом *-к-*, сохранилась у гидронима “Αλυς (Frisk Hj. GEW. — Heidelberg, 1954 etc., t. 1, S. 79).

⁸⁷ M a c h e k V. Untersuchungen zum Problem [des anlautenden *ch-* im Slavischen. — Slavia, 1939, roč. 16, sešit 2–3, S. 174.

⁸⁸ Meillet A. Études..., t. 1, S. 236. См. также: Фасмер, т. 2, с. 372.

Рус. *низкий*. Аргументы в пользу отнесения данного прилагательного (как и существительного *низь*) к древним *-и*-основам не могут считаться совершенно убедительными. Это — словообразовательные связи *низь* и *низькъ* с *низовье* и *низменный* (производящая основа: **низмень*), ср. др.-рус. *върхъ* (= лит. *viršùs*) — рус. *верховье* — польск. топоним *Wierchmień*, а также сложные слова, начинающиеся на *низоу-* (= *върхоу-*).

В отдельных случаях к древним *-и*-основам, видимо, можно отнести прилагательные, не связанные с моделью на *-ькъ*. Напр., рус. диал. *лякий* 'горбатый, согнутый' этимологически идентично лит. *linkùs* 'гнувшийся' (к *liñkti* 'гнуть')⁸⁹, рус. диал. *нёук* 'необъезженная лошадь' связано с лит. *jaukùs* 'смирный, ручной'⁹⁰. *Мудръ* идентично лит. *mandrùs*, *остръ* — лит. *aštrùs*⁹¹. Однако эти и некоторые другие изолированные в словообразовательном отношении примеры не могут с достаточной уверенностью быть отнесены к древним *-и*-основам, хотя убедительными аргументами против такого отнесения мы также не располагаем.

Подведем некоторые итоги. Около ста примеров, где славянским прилагательным на *-ькъ* соответствуют генетически родственные литовские прилагательные на *-ùs* (лишь в немногих случаях реконструированные на базе совершенно бесспорных словообразовательных закономерностей литовского языка), свидетельствуют о том, что ни прилагательные на *-ькъ* не были образованы от глаголов на *-ити* (*гладькъ* от *гладити*), ни наоборот (*гладити* от *гладькъ*). Производящей основой прилагательных на *-ькъ* послужили древние прилагательные с *-и*-основой, широко распространенные в праславянском. Суффикс *-к-* не обладал значением склонности к действию, обозначаемому соответствующим глаголом, ибо этим значением уже обладали прилагательные с *-и*-основой. Суффикс *-к-* у прилагательных на *-ькъ* имел такое же нулевое значение, как напр., в сербохорватских словах *тётка*, *чётка*, *гўска*, *Миланка*, *Тодорка* и т.п.⁹² Этот суффикс осуществлял не семантические, а морфологические функции: он окончательно устранял парадигму склонения *-и*-основ у славянских имен прилагательных (что осуществлялось также и простым вытеснением прилагательных с *-и*-основой прилагательными с *-о*-основой, как это, кстати, имеет место в диалектах современного литовского языка⁹³). Соотношение между лит. *saldùs* и ст.-слав. СЛАДЪКЪ не является чем-то исключительным в балто-славянском ареале, ср., напр., лит. *avis*, *gijà*, *vijà*,

⁸⁹ Арумаа, с. 38.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. — Нежин, 1916, с. 331.

⁹² Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. — Београд, 1964, с. 504.

⁹³ Zinkevičius Z. Указ. соч., с. 274.

lōva и (др.-) рус. *овца*, *жица*, *вица*, болг. *лавица* и т.п., где простой литовской основе соответствуют славянские образования, осложненные суффиксальным *-к-. Древность самой модели здесь подтверждается соответствиями типа ст.-слав. ОВЦА — др.-инд. *avikā* 'овца', как и в случае с типом на -ѣкъ (ст.-слав. ТЪНЪКЪ — др.-инд. *tānukaḥ* 'тонкий', КРАТЪКЪ — *kātukaḥ* 'горький', рус. *солкий* — др.-греч. ἄλιχός 'соленый'). Восходят ли подобного рода отдельные образования к индоевропейской эпохе или они сформировались параллельно — не столь существенно. В любом случае перед нами — древние модели, отражающие общие тенденции индоевропейского словообразования.

Разумеется, какая-то часть приведенных выше славянских образований на -ѣкъ могла возникнуть по аналогии — на базе уже готовой модели. Но при этом нужно иметь в виду следующее. Во-первых, эта модель действовала в тех случаях, когда среди литовских генетически родственных прилагательных мы встречаем образования на -ūs, т.е. там, где прилагательные с основой на -и- естественно вписывались в словообразовательную систему языка. Во-вторых, образования по аналогии могли возникать лишь в том случае, если модель, послужившая образцом для аналогических преобразований, была в достаточной мере продуктивной в языке. Таким образом, возражая против широкого распространения праславянских прилагательных с -и-основой посредством ссылок на аналогию, мы тем самым предполагаем большое количество этих образований. Кроме того, в процессе смешения -и- и -о-основ предполагается какой-то период, в течение которого оба типа сосуществуют в языке параллельно (ср. лит. *giedrūs* и *giēdras*, *gudrūs* и *gūdras*, *stiprūs* и *stīpras* и т.д.)⁹⁴. Однако вытеснялись при этом -и-основы -о-основами, а не наоборот⁹⁵. Причем в основном это вытеснение происходило, видимо, у прилагательных, лишенных суффиксального -к-, ибо только в этом случае одна парадигма склонения вытеснялась другой (*мѣлъкъ* и *глубокъ* склоняются одинаково). Следовательно, в этой ситуации мы должны ожидать, что случаев, когда прилагательные на -окъ явились результатом аналогического преобразования древних -и-основ, значительно больше, чем неисконных аналогических

⁹⁴ Schmidt J. Op. cit., p. 260. Ср.: Zinkevičius Z. Op. cit., p. 274.

⁹⁵ Утрата древних -и-основ у имен существительных — общая тенденция индоевропейских языков. Применительно к литовскому языку см., в частности, Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V., 1968, p. 226—242. Самый процесс может наблюдаться в современных говорах литовского языка, где при смешении -а- и -и-основ у прилагательных случаи перехода первых во вторые значительно реже, чем случаи вытеснения -и-основ -а-основами (см.: Zinkevičius Z. Op. cit., p. 274).

образований на *-ькъ*. Это в равной мере относится и к прилагательным без суффиксального *-к-* (типа ст.-слав. ЦѢЛЬ⁹⁶).

Но главный вывод, который следует сделать из рассмотренного выше материала, заключается в том, что перед нами — не несколько изолированных случайных соответствий (или, тем более, — совпадений), а ярко выраженный элемент словообразовательной системы — модель, свидетельствующая о широком распространении в праславянском прилагательных с *-и-*основой, послужившая той базой, на которой были сформированы многочисленные славянские прилагательные на *-ькъ*.

Если взять такие классические труды, посвященные собранию и анализу балто-славянских изоглосс, как „Славяно-балтийские этюды“ Я. Эндзеллина или „Балто-славянский словарь“ Р. Траутмана,⁹⁷ то в них можно найти весьма разнородный материал, относящийся к разным эпохам, к разным фонетическим, морфологическим и словообразовательным явлениям. Приведенный в настоящей работе обширный балто-славянский материал охватывает лишь прилагательные одного словообразовательного типа, к тому же — в славянских языках непродуктивного⁹⁸. Наличие столь большого количества лексико-словообразовательных изоглосс имеет первостепенное значение для дальнейшего исследования целого ряда вопросов, связанных с древнейшими балто-славянскими языковыми отношениями. Не касаясь здесь этих вопросов, отмечу только, что явная структурная производность славянской языковой модели сравнительно с балтийской (применительно к прилагательным на *-и-* и на *-ькъ*) отнюдь не говорит в пользу столь модной в последние годы гипотезы о происхождении славянских языков из какого-то периферийного балтского диалекта. Ибо структурная производность не говорит еще о производности генетической⁹⁹.

Касаясь весьма заметного воздействия, которое древние *-и-*основы оказали на славянское словообразование и словоизменение, С. Б. Бернштейн писал: „В чем причина сильного влияния сравнительно немногочисленной группы именных основ на формирование ряда словообразовательных категорий, на

⁹⁶ Эккерт, с. 125—126, уверенно относит его к *-и-*основам.

⁹⁷ Эндзеллин И. Славяно-балтийские этюды. — Харьков, 1911; Trautman R. BSW. — Göttingen, 1923.

⁹⁸ О непродуктивности данного типа применительно к сербо-хорватскому языку см., напр.: Стевановић М. Указ. соч., с. 589.

⁹⁹ См. об этом: Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции, с. 8—9. В какой-то мере ситуация с этой гипотезой напоминает случай с древнеиндийским языком, принимавшимся когда-то за праязык именно из-за наличия в нем большого числа архаических черт.

историю славянских флексий? Удовлетворительного ответа на эти вопросы пока нет¹⁰⁰. Теперь мы видим, что вопрос в данном случае поставлен некорректно, ибо он заранее предполагает немногочисленность праславянских образований с *-и*-основой. Рассмотренный выше материал дает, как мне кажется, достаточно ясный ответ на этот вопрос. Особо нужно подчеркнуть тот факт, что именно прилагательные играли при этом первостепенную роль¹⁰¹.

В заключение следует добавить, что дальнейшее углубленное изучение диалектного материала балтийских, славянских и других индоевропейских языков может еще более расширить наши представления о древнейших балтийских и славянских прилагательных с *-и*-основой.

¹⁰⁰ Бернштейн С. Б. Указ. соч., с. 253. Напр., Л. А. Булаховский причину этого видел в том, что *мед* и *солод* (*-и*-основы!) играли важную роль в жизни праславян (там же).

¹⁰¹ Ср., напр., целый ряд изменений, происшедших у латинских существительных I и II склонения под влиянием прилагательных типа *albus, alba* (окончание *-āī* вместо *-as* в G.S. I склонения, вытеснение окончания G.Pl. *-um* окончанием *-ōrum* во II склонении и др.).